
МЕЖДУ НАМИ —
Сиена
ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ГОРОД НЕ ПРОСТИТ
„Любить её — значит предать город.
Не любить — предать себя.

Лина Скотт
Между нами — Сиена

https://litres.ru/74690199
SelfPub; 2026

Аннотация

В Сиене невозможно быть просто собой.

Здесь каждый рождается под цветами своей контрады, наследует чужую память, старую вражду и выбор, сделанный задолго до его рождения. Здесь город помнит всё - особенно предательства.

Леоне - молодой жокей контрады Ока, на которого возложены надежды целого района перед легендарными скачками Палио. София - талантливая художница из враждебной Торре, привыкшая смотреть глубже, чем позволяют правила. Они не должны были встретиться. Не должны были заговорить. И уж точно не должны были начать видеть друг в друге больше, чем символы чужой стороны.

Но среди узких улочек, древних площадей и барабанного ритма, который звучит в сердце каждого жителя Сиены, между ними возникает чувство, способное разрушить многолетние границы.

Когда прошлое хранит слишком много тайн, а правда оказывается опаснее старой ненависти, им предстоит решить:

остаться верными городу, который определил их судьбу, или рискнуть всем ради собственного выбора.

Содержание

Список контрад Сиены 6
Часть 1 9
Глава 1 — Барабаны 10
Глава 2 — Девушка из Торре 15
Глава 3 — Семнадцать государств 23
Глава 4 — Её имя 36
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Лина Скотт
Между нами — Сиена

Посвящается моему мужу. Спасибо за Веру.

Список контрад Сиены

Сиена разделена на 17 исторических районов — контрад. Каждая — это не просто территория, а семья, история и соперничество, передающееся из поколения в поколение.

На Палио участвуют не все контрады одновременно (обычно 10), но вражда и союзы действуют всегда.

1. Lupa (Волчица)

- Символ: волчица
- Цвета: чёрный, белый, красный
- Черта: гордость, независимость

2. Istrice (Дикобраз)

- Символ: дикобраз
- Цвета: красный, белый, синий
- Черта: хитрость, стойкость

3. Chiocciola (Улитка)

- Символ: улитка
- Цвета: жёлтый, красный, синий
- Черта: терпение, стратегичность

4. Tartuca (Черепаха)

- Символ: черепаха
- Цвета: жёлтый, синий, чёрный
- Черта: мудрость, устойчивость

5. Onda (Волна)

- Символ: дельфин

● Цвета: белый, оранжевый, синий
● Черта: сила, одиночество

6. Torre (Башня)
● Символ: слон с башней
● Цвета: красный, белый, синий, желтый
● Черта: гордость, сила

7. Oca (Гусь)
● Символ: гусь
● Цвета: зелёный, белый, красный
● Черта: страсть, сплочённость

8. Aquila (Орёл)
● Символ: двуглавый орёл
● Цвета: жёлтый, чёрный, коричневый
● Черта: благородство

9. Pantera (Пантера)
● Символ: пантера
● Цвета: синий, красный, белый
● Черта: элегантность, скрытая сила

10. Nicchio (Раковина)
● Символ: раковина
● Цвета: синий, жёлтый, красный
● Черта: защитность, традиционность

11. Drago (Дракон)
● Символ: дракон
● Цвета: зелёный, красный, жёлтый
● Черта: сила, агрессия

12. Giraffa (Жираф)
- Символ: жираф
- Цвета: красный, белый, синий, жёлтый
- Черта: грация

13. Montone (Баран)
- Символ: баран
- Цвета: красный, жёлтый, белый
- Черта: упрямство, напор

14. Civetta (Сова)
- Символ: сова
- Цвета: красный, чёрный, белый
- Черта: наблюдательность

15. Leocorno (Единорог/лев)
- Символ: единорог
- Цвета: оранжевый, белый, синий
- Черта: честь

16. Selva (Лес)
- Символ: носорог
- Цвета: зелёный, оранжевый, белый
- Черта: спокойствие, сила

17. Bruco (Гусеница)
- Символ: гусеница
- Цвета: жёлтый, зелёный, красный
- Черта: трудолюбие, упорство

Часть 1
Город, который помнит

Когда в Сиене бьют барабаны — не спрашивай, кто ты есть. Здесь имя даётся заранее, и выбор — почти как лесть.

Глава 1 — Барабаны

Сначала — звук. Не громкий. Глухой, как удар сердца, спрятанного в камне. *Бум*. Пауза. *Бум-бум*. Леоне просыпается до рассвета не от будильника — от него. Барабаны. Он не открывает глаза сразу. Лежит, слушает. Пытается понять, откуда именно — по ритму, по паузе, по тому, как звук ложится на улицы.

— Ока, — тихо говорит он в пустую комнату.

Он всегда угадывает.

Комната узкая, с высоким потолком. Окно приоткрыто, занавеска едва движется — воздуха почти нет. Август в Сиене давит даже на рассвете.

На стене — старое седло. Не его. Отца. Леоне не смотрит на него. Он встаёт, умывается холодной водой из-под крана, быстро, почти грубо. Не чтобы проснуться — чтобы почувствовать тело. Сегодня тренировка. Ещё три дня до Палио. Во дворе уже слышны шаги. Энцо не любит ждать. Леоне выходит.

Сиена задыхается от жары. Узкие улицы пахнут камнем, вином и лошадиным потом. Над городом гремят барабаны контрад, а флаги свисают между домами, будто город сам разделен на куски.

Леоне почти не спал трое суток. Отец стоит у стены, руки скрещены, лицо в тени. Он всегда выглядит так, будто ночь

для него не заканчивалась.

— Ты опоздал.

— Нет.

— Значит, пришёл слишком поздно.

Леоне не отвечает. С ним нельзя спорить утром. Да и вечером тоже.

Они идут молча. По узким улицам, где камень ещё хранит ночную прохладу. Флаги контрад висят над головами — зелёно-бело-красные, потускневшие от солнца, но всё равно яркие в полутьме.

Из окон кто-то уже смотрит. В Сиене всегда смотрят.

Когда они выходят к конюшням, барабаны звучат ближе. Ритм становится плотнее, увереннее. Город просыпается.

Лошадь встречает Леоне напряжением. Она чувствует всё раньше людей.

— Тише, — говорит он, проводя рукой по шее. Она дёргается. Он улыбается.

— Я знаю. — Ему было жаль, что она останется за пределами площади. Но он знал: она переживает за него больше, чем люди вокруг.

Энцо наблюдает со стороны. Не вмешивается. Пока.

— Она чувствует тебя, — говорит он наконец.

— Она чувствует всё.

— Значит, ты показываешь слишком много.

Леоне замирает.

— Что именно?

Энцо делает шаг ближе.

— Сомнение.

Слово падает тяжело.

— У меня нет сомнений.

— У всех есть. Важно только, кто их видит.

Леоне не отвечает. Он проверяет узду, подтягивает ремни, делает всё медленно, точно. Руки знают, что делать. Тело знает. Иногда это единственное, чему можно доверять.

Тренировка начинается резко. Без сигнала. Как всегда. Леоне вскакивает в седло, и всё остальное исчезает. Остаются только движение, дыхание, ритм. Лошадь сначала сопротивляется, потом поддаётся. Круг за кругом.

Пыль поднимается. Солнце уже касается крыш. Барабаны не прекращаются. Они становятся частью движения. *Бум. Бум-бум. Бум.*

Он ускоряется. Слишком рано. Он знает это. Но не останавливается.

— Медленнее! — кричит Энцо.

Леоне не слушает. Он чувствует, как лошадь начинает идти на пределе, как будто это единственный способ заглушить всё остальное. Поворот. Слишком резкий. Лошадь спотыкается на долю секунды, но этого достаточно. Леоне удерживается. Чудом.

— Ты хочешь убить её? — голос Энцо звучит рядом. Леоне тяжело дышит.

— Нет.

— Тогда перестань вести себя так, будто тебе нечего терять.

Он спрыгивает. Руки дрожат. Незаметно. Почти. Энцо подходит ближе. Смотрит прямо.

— Ты не один на этой лошади… И не один в этой контраде.

Леоне знает, что будет дальше. Он говорит это каждый год.

— Мы не проигрываем, — продолжает Энцо. — Не сейчас. Не им. «Им» не нужно уточнять. Леоне кивает. Как всегда.

Тренировка заканчивается раньше, чем должна. Солнце уже высоко. Жара начинает давить. Город шумит. Леоне уводит лошадь от конюшен. Не спрашивает разрешения. Ему нужна тишина.

За церковью — старый фонтан. Там почти никого нет. Только вода и тень. Он ведёт лошадь медленно. Пытается выровнять дыхание — своё и её. И вдруг — движение. Лёгкое. Слишком лёгкое для случайности. Лошадь резко вскидывает голову. Леоне мгновенно оборачивается.

— Кто здесь?

Тишина. Только капли воды. Потом — шорох. Бумага. Он идёт на звук. Медленно. Осторожно. И видит девушку, сидящую прямо на земле у стены. Белая рубашка испачкана охрой и углем, волосы собраны кое-как, вокруг разбросаны листы. На них — линии. Быстрые, живые. Она рисует. *Его-*

лошадь. Точнее — пыталась рисовать, пока он ее не заметил.

Леоне делает шаг ближе. Поднимает один из листов. И видит цвет. Тёмно-красный. Он смотрит на неё.

— Ты из Торре.

Девушка не оправдывается. Она спокойно поднимает взгляд и слегка склоняет голову.

— А ты наблюдательный.

Повисает тяжелая пауза. По правилам негласной сиенской войны ей вообще не стоит находиться рядом с тренировками Оки. Леоне сжимает лист. И впервые за утро не знает, что делать дальше. Его раздражает, что она не боится.

Обычно люди смотрят на жокеев Палио почти как на солдат перед битвой. Особенно перед августовскими скачками. Особенно сейчас. А она смотрит так, будто изучает картину.

Она встает, забирает лист из его рук — слишком близко, так, что он чувствует запах краски и нагретой солнцем кожи.

Барабаны звучат снова. Громче. Ближе. Как будто город вдруг вспомнил о них.

Леоне машинально отступает, словно сам звук напоминает, кто она. Девушка замечает это. На секунду в ее глазах появляется что-то болезненное. Она понимающе улыбается и уходит вверх по лестнице переулка, оставляя один рисунок лежать у его ног.

На обратной стороне — нарисованная углем лошадь и подпись: «Ты ездишь так, будто хочешь исчезнуть».

Глава 2 — Девушка из Торре

София пытается аккуратно сложить наспех схваченные листы. Мурашки пробегают по спине, когда она обнаруживает пропажу. Не в силах заглушить порыв вернуться она возвращается. Он не ушел. Леоне кладет лист на ступеньку фонтана и разворачивается к своей лошади; ее пальцы сжимают карандаш сильнее, чем нужно.

Барабаны всё ещё звучат. Теперь — отчётливо. Ритм Торре. Она слышит его всегда. С детства. Иногда ей кажется, что он звучит даже в тишине.

Леоне ведёт лошадь к воде. Она подходит ближе, но он больше не смотрит на неё. И это почему-то хуже, чем если бы смотрел с ненавистью.

София поднимает лист. Тот самый, который он держал. Смотрит. Линии чуть смазались — от его пальцев.

Она проводит по ним рукой.

— Ты всегда так смотришь на людей? — говорит она вдруг. Он не оборачивается. — Как будто уже знаешь, кто они.

— В Сиене это несложно.

— А если я не хочу быть тем, кем ты думаешь?

Теперь он поворачивается. Смотрит.

— Тогда не приходи сюда.

Пауза. Короткая. Острая.

— Ты думаешь, я пришла из-за тебя? — спрашивает она.

— Мне всё равно, из-за кого ты пришла.

— Лжёшь.

Он делает шаг ближе.

— Ты из Торре. Этого достаточно.

— Для чего?

— Чтобы не быть здесь.

Она не заметила, как ее рука расслабилась. Листы выпали из папки. София быстро опускается и начинает спешно собирать бумагу. Неожиданно рядом оказывается его рука и касается выпавшего листа. Секунда — и их руки почти касаются. Почти.

Леоне поднимает один из рисунков. И замирает. Там не лошадь. Там он сам. Не чемпион Оки. Не будущий победитель. Не сын своего отца. Просто человек, уставший до дрожи. Живой. Настоящий. И это пугает сильнее, чем ненависть Торре.

— Ты плохо скрываешь злость, — тихо говорит София.

Он резко поднимает взгляд.

— А ты слишком много видишь.

— Это моя работа.

— Тогда рисуй что-нибудь другое.

— Например?

Он бросает лист обратно.

— То, что не разрушит тебе жизнь.

Барабаны усиливаются. Где-то зовут людей. Город окон-

чательно проснулся. София закидывает рюкзак на плечо.

— Ты боишься не меня, — говорит она.

— Я ничего не боюсь.

— Тогда почему ты стоишь так, будто я опаснее скачек? — Он не отвечает. Потому что не знает. Она делает шаг назад. Потом ещё. — Увидимся, жокей.

— Нет.

Она улыбается.

— В Сиене все всегда снова встречаются.

И снова уходит вверх по лестнице. Леоне остаётся. Барабаны звучат всё громче. Лошадь нервно переступает. Он смотрит на пустое место, где она сидела. И впервые за долгое время не думает о Палио.

***

Сиена — один из тех городов, о которых говорят тихо, но уверенно: сюда нужно приехать хотя бы раз. Он будто застыл в Средневековье — без спешки, без резких линий, с мягкими изгибами улиц и теплом камня, который к вечеру становится почти золотым.

Узкие улочки, где солнце появляется только на несколько часов в день. Старые двери с потёртыми ручками. Маленькие кафе, где подают вино, как будто оно часть повседневной жизни, а не событие. И, конечно, собор — величественный Siena Cathedral, с мраморным фасадом, который кажется слишком нарядным для такого строгого города.

Гиды любят говорить, что Сиена — это место, где время

замедляется. Где можно потеряться и не захотеть найти дорогу обратно. Где история не в музеях, а прямо под ногами — в каждом камне, в каждом повороте.

И в этом есть правда. Но не вся.

***

Университет пахнет иначе. Не камнем. Краской. Пылью. И чем-то новым, что не принадлежит Сиене полностью.

София входит в аудиторию позже всех. Бьянка уже там.

— Ты где была? — шепчет она.

— Гуляла.

— В шесть утра?

София пожимает плечами. Бьянка смотрит на неё прищурившись.

— Ты выглядишь странно.

— Спасибо.

— В хорошем смысле.

— Это хуже.

Профессор Вити уже начал. Он не делает замечаний. Он никогда их не делает. Просто смотрит. И этого достаточно.

— Сиена — это город, который не забывает, — говорит он, проходя между рядами. — Но проблема в том, что он не умеет забывать выборочно.

Он останавливается.

— Он хранит и красоту, и ненависть с одинаковой тщательностью.

София не слушает. Точнее — слушает не его. А барабаны.

Они доносятся даже сюда. Приглушённо. Но настойчиво.

— София, — голос профессора.

Она поднимает голову.

— Да?

— О чём ты думаешь?

Она могла бы солгать. Но не хочет.

— О Палио.

Он смотрит на неё чуть дольше, чем на других.

— Это опасная тема для художника.

— Почему?

— Потому что там слишком много шума и слишком мало правды.

В Сиене есть событие, которое нельзя назвать просто скачкой. Palio di Siena — это традиционные скачки, которые проходят дважды в год: 2 июля — Палио ди Провензано, в честь Мадонны ди Провензано, одноимённой церкви в Сиене, и 16 августа — Палио делла Ассунта, в честь Вознесения Богоматери.

Палио проходит на главной площади — Piazza del Campo, имеющей форму раковины. Её засыпают песком, превращая в арену, где нет правил в привычном смысле. Жокеи скачут без седла, толкаются, сбивают друг друга, идут на риск, потому что это не спорт. Это — принадлежность.

Гонка включает три круга по площади Пьяцца-дель-Кампо. Палио длится меньше двух минут. Но его последствия — иногда всю жизнь.

В скачке участвуют контрады — районы города. Не все сразу, но каждый раз — с полной силой. Каждая контрада имеет свой герб, традиционные цвета и выставляет своего жеребца и наездника. И важно не кто ты сам, а за кого ты едешь.

Победить может лошадь без жокея. Если человек упал, а его лошадь пересекла финиш — победа засчитывается, потому что человек здесь — не главное. Победившая контрада получает «Драппеллоне» — полотно, которое каждый раз пишет новый художник.

После лекции Бьянка хватает её за руку.

— Рассказывай.

— Нечего рассказывать.

— Ты врёшь хуже, чем рисуешь.

— Спасибо.

— Это комплимент.

Они выходят на улицу. Солнце уже высоко. Город живёт. Громко.

— Ты встретила кого-то, — говорит Бьянка.

— Нет.

— Да.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты не смотришь на людей, как обычно.

— А как обычно?

— Как будто они — часть композиции.

София усмехается.

— А сейчас?

— Сейчас ты смотришь, как будто кто-то испортил тебе рисунок.

София молчит. Потом тихо:

— Я была у конюшен.

Бьянка резко останавливается.

— Ты с ума сошла?

— Возможно.

— Это территория Оки!

— Я знаю.

— Если кто-то узнает…

— Уже знает.

— И? — осторожно спрашивает Бьянка.

София смотрит вперёд.

— Ничего.

— Это хуже.

Они идут дальше. Флаги висят над улицами. Красно-бело-синие. Торре. София поднимает взгляд. И вдруг чувствует, что они тяжелее, чем раньше.

Дома Алессио уже ждёт. Он сидит за столом. Молча. Это всегда хуже, чем если бы говорил.

— Где ты была? — спрашивает он.

— В университете.

— Не только.

Она замирает.

— Я не понимаю, о чём ты.

Он смотрит прямо.

— Я видел тебя. Рядом с конюшнями.

София ничего не говорит. Алессио встаёт. Медленно.

— Ты знаешь, что это значит?

— Да.

— Тогда зачем?

Она пожимает плечами.

— Я рисую.

— Не там.

— Почему?

Он делает шаг ближе.

— Потому что ты Бенасси.

Слово звучит как приговор.

— И что? — тихо спрашивает она.

— И ты не имеешь права забывать это.

София смотрит на него.

— А если я не хочу помнить?

Тишина. Тяжёлая. Алессио качает головой.

— В Сиене нет такого выбора.

София отворачивается. Но в голове — не его слова. А голос другого. «Тогда не приходи сюда». И почему-то она уже знает, что придёт снова.

Глава 3 — Семнадцать государств

В Сиене можно жить через улицу. Смотреть в одно окно. Ходить в один магазин. И всё равно быть по разные стороны. Потому что граница — не в камне. Она в людях.

Сиена никогда не бывает просто городом. Она делится. Всегда. Флаги натянуты между домами, как линии, по которым можно читать карту города. Цвета сменяются резко: зелёный — белый — красный, потом вдруг синий с белым, потом жёлтый с чёрным. Стоит сделать один поворот — и ты уже не там, где был.

София идёт быстро. Она знает эти границы наизусть. Где можно говорить громко. Где — лучше молчать. Где можно смотреть в глаза. Где — опустить взгляд. Но сегодня всё кажется немного другим. Как будто линии стали заметнее. Или она сама стала их видеть.

— Ты опять смотришь вверх, — говорит Бьянка.

— Там интереснее.

— Там верёвки с флагами.

— Именно.

Бьянка вздыхает.

— Ты странная.

— Я художник.

— Это не оправдание.

Они сворачивают на узкую улицу. На углу — фонтан. Со-

фия автоматически замедляется. Не потому что хочет. Потому что знает. Это уже не их территория.

Бьянка замечает.

— Здесь нельзя?

— Можно, — говорит София. — Просто не стоит задерживаться.

— Почему?

София смотрит на воду.

— Потому что ты здесь — гость.

— Это же один город.

София усмехается.

— Нет.

Она делает шаг вперёд.

— Это семнадцать государств, которые случайно оказались в одном месте.

***

Бьянка никогда не собиралась в Сиену.

Если бы её спросили год назад, она бы назвала любой другой город: Флоренцию, Милан, даже Рим. Там было понятнее — искусство, карьера, движение. Там можно было быть никем и стать кем-то.

Сиена казалась ей слишком тихой. Слишком замкнутой. Слишком… чужой.

Но всё изменилось из-за одной картины.

Это произошло на лекции по истории искусства — обычный день, обычная аудитория, пока преподаватель не вклю-

чил слайд с фресками Palazzo Pubblico. Не самые известные. Не самые «красивые» в привычном смысле. Но в них было что-то, что не отпускало. Не техника. Не цвет. А чувство, что город живёт по своим законам. Не как декорация — как организм.

Она смотрела на эти стены и вдруг поняла: здесь люди не просто жили. Они принадлежали. И это было написано прямо в камне.

После лекции она не ушла сразу. Осталась, чтобы пересмотреть изображения ещё раз. Потом — ещё.

А через неделю подала документы на программу в Сиене. Переезд был быстрым, почти поспешным. Родители не сразу поняли.

— Почему именно туда?

— Потому что… хочу попробовать, — ответила она, не сумев объяснить до конца.

Правда была сложнее. Её всегда немного раздражала лёгкость, с которой люди вокруг находили себе место. Семья, друзья, планы — всё складывалось как будто само собой. У неё так не получалось. Она училась хорошо, делала всё правильно, но внутри оставалось ощущение, что она стоит рядом с собственной жизнью.

Сиена показалась ей шансом. Не начать сначала — а наконец оказаться *внутри*.

Первое время всё выглядело именно так, как она ожидала: старые стены, тихие улицы, студенты, которые живут между

лекциями и кофе. Она рисовала, много ходила, запоминала линии города, как будто собирала его по кусочкам.

Но постепенно стало ясно — она ошиблась. Здесь нельзя просто «жить». Здесь нужно принадлежать. И это оказалось сложнее, чем она думала.

Её университетские занятия проходили недалеко от Piazza del Campo, и сначала она приходила туда как наблюдатель. Садилась на край площади, делала быстрые зарисовки, ловила движение людей, ритм города.

Она видела флаги, но не придавала им значения. Пока однажды не нарисовала человека в цветах одной контрады — просто потому что ему подходил свет. А потом заметила, как на неё посмотрели. Не зло. Но внимательно. Как будто она сделала что-то, чего не понимала.

С этого момента всё изменилось. Город перестал быть открытым. Он начал проверять её.

Она так и не выбрала сторону. И не могла — у неё не было детства здесь, не было семьи, не было истории. Но, возможно, именно поэтому она начала видеть больше. То, что для других было привычным — для неё стало странным. То, что для других было нормой — для неё выглядело как граница. И, может быть, именно поэтому Сиена позволила ей остаться.

Сначала это кажется игрой.

Потом она замечает, как кто-то проходит мимо — и разговор обрывается. Кто-то говорит слишком тихо, если рядом

чужие цвета. В одном кафе её встречают тепло, в другом — вежливо, но холодно, хотя она делает то же самое: улыбается, заказывает кофе, благодарит. Она не сразу понимает, в чём разница. Потом замечает флаг над дверью.

Город начинает раскрываться не как место, а как система.

Ей объясняют: это контрады. Районы. Семьи. История. Традиция. Она кивает — конечно, в Италии любят традиции. Это нормально. Но чем дольше она остаётся, тем меньше это похоже на что-то безобидное.

Она идёт по улице и вдруг понимает, что перешла невидимую границу. Ничего не изменилось — те же дома, тот же свет — но взгляды стали другими. Не враждебными. Оценивающими. Как будто её проверяют: *ты своя или нет?*

Она не своя нигде. И в этом её свобода. И в этом же — её одиночество.

Бьянка начинает видеть то, что раньше ускользало. Как люди меняются в зависимости от того, где стоят. Как один и тот же человек может быть мягким, смеющимся — и вдруг жёстким, закрытым, если рядом появляется кто-то «не тот». Как дети уже знают, куда им можно идти, а куда — лучше не стоит.

Её поражает не само разделение. А то, насколько оно живое. Это не музей. Не традиция «для туристов». Это дыхание города. Его нерв.

Она слышит, как спорят о скачках, о лошадях, о жокеях — и сначала ей кажется, что это просто азарт. Спорт. Потом

она понимает: это не про победу. Это про принадлежность. Про то, кто ты есть, даже если ты сам этого не выбирал.

В этом городе невозможно быть между. Либо ты внутри — и тогда правила сильнее тебя. Либо ты снаружи — и тогда ты не принадлежишь никому.

***

Они идут дальше. Навстречу выходит группа детей. На них — шарфы. Зелёно-бело-красные. Ока. Они замолкают, проходя мимо Софии. Слишком внимательно смотрят. Слишком долго.

— Они что, уже знают? — шепчет Бьянка.

— Нет.

— Тогда почему…

— Потому что я знаю, кто они.

Барабаны звучат ближе. Теперь — не только их. Где-то отвечает другая контрада. Ритмы накладываются друг на друга. Не совпадают. И от этого становится только громче.

Иногда кажется, что сначала дети учатся бить в барабаны. А потом — говорить. Потому что слова можно забыть. А ритм остаётся в теле.

София останавливается.

— Слышишь?

— Да, — говорит Бьянка. — Очень.

— Нет. Не так. — София закрывает глаза. — Это Ока.. это — Дракон. — И после небольшой паузы продолжает: — А это — мы.

Бьянка смотрит на неё.

— Ты серьёзно сейчас различаешь это?

София открывает глаза.

— Все различают.

— Это ненормально.

— Это Сиена.

Они выходят на небольшую площадь. Здесь уже готовятся к шествию. Мужчины разворачивают флаги. Ткань шуршит. Цвета вспыхивают на солнце. Кто-то кричит команды. Кто-то смеётся. Но под этим — напряжение. Всегда.

София замечает движение. На другом конце площади. Он. Леоне. Она уже слышала это имя. Не один раз. Просто никогда не связывала его с человеком, но теперь поняла, кто был перед ней у фонтана.

В Сиене так бывает: сначала ты слышишь, а потом видишь. Имена же вовсе не принадлежат людям. Они принадлежат городу. Их произносят с оттенком — уважения, раздражения, или предупреждения. И ты ещё не знаешь человека, но уже знаешь, чего от него ждать.

Его звали Леоне, «тот жокей из Оки», «слишком рискованный», «слишком упрямый».

Они наверняка уже пересекались. В Сиене это почти неизбежно. Одни и те же улицы, одни и те же повороты, одна и та же площадь. Они могли пройти мимо друг друга десятки раз, не остановившись, не запомнив. Просто не посмотрели. Но сейчас София заметила его.

Он стоит рядом с Томмазо, слушает что-то, но не смеётся. Слишком серьёзен. Слишком собран. Как будто уже на скачках.

— Это он? — тихо спрашивает Бьянка. София не отвечает. — Значит, он.

Леоне поднимает голову. И видит её. Сразу. Как будто знал, где она будет. Пауза. Короткая. Но в ней — всё. Томмазо что-то говорит, но Леоне уже не слушает. Он делает шаг вперёд. Потом ещё. Останавливается. Не подходит ближе. София тоже не двигается. Бьянка смотрит между ними. Леоне подходит ближе. Но не слишком. Ровно настолько, чтобы не нарушить границу. Им нельзя разговаривать.

— Ты пришла, — говорит он.

— Это не запрещено.

— Пока нет.

Барабаны гремят. Кто-то подбрасывает флаг. Он летит высоко, вращаясь. На секунду закрывает солнце.

— Ты рисуешь сегодня? — спрашивает он.

— Всегда.

— Не здесь, — он вспоминает свое изображение в ее исполнении.

— Почему?

Он смотрит на людей вокруг.

— Потому что они уже смотрят.

София оглядывается. И впервые замечает. Взгляды. Слишком много. Слишком внимательные.

— Пусть смотрят, — говорит она.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Он качает головой.

— Здесь не объясняют.

— Тогда зачем ты подошёл? — спрашивает она. Он не сразу отвечает.

— Потому что ты пришла.

Томмазо подходит ближе. Смотрит на Софию. Потом на Леоне. Потом снова на Софию.

— Это плохая идея, — говорит он.

— Я не спрашивала, — отвечает она.

— А стоило бы.

Леоне бросает на него взгляд.

— Мазо.

— Что?

— Иди.

— Я не уйду.

— Уйдёшь.

Томмазо вздыхает.

— Ты потом пожалеешь.

— Возможно.

— Я сказал.

Он уходит. Но оглядывается. Барабаны усиливаются. Шествие начинается. Люди собираются плотнее. Флаги движутся. София делает шаг назад.

— Мне пора.

— Да.

Но никто не двигается.

— В Сиене всё видно, — тихо говорит Леоне.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Она смотрит на него.

— Потому что я не хочу жить так, будто уже всё решено.

Он смотрит на неё. Долго.

— Тогда ты выбрала сложный город.

— Я его не выбирала.

— Он выбрал тебя.

Кто-то зовёт его по имени. Громко. Резко. Он не отводит взгляд.

— Увидимся, жокей. В Сиене все всегда снова встречаются. — София уходит. Леоне остаётся. Барабаны бьют в груди. Флаги поднимаются. Город движется. И впервые за долгое время он чувствует, что не знает, на чьей стороне стоит.

***

В Сиене говорят: Палио выигрывают не на площади. Его выигрывают до неё.

Площадь начинает дышать раньше, чем звучат трубы. Я чувствую это в воздухе — тяжёлом, густом, как перед грозой. Piazza del Campo уже заполнена, но никто не стоит спокойно: флаги дрожат, люди переговариваются вполголоса, дети тянут родителей за руки, старики смотрят вверх, на окна

Palazzo Pubblico, словно оттуда сейчас решат их судьбу.

Я стою чуть в стороне от своих, хотя меня легко узнать — не по лицу, а по тому, как на меня смотрят. В такие дни мы все становимся не людьми, а символами. Лошадьми до скачки. Ставками.

Я поднимаю взгляд и почти сразу ловлю его. Алессио. Он стоит среди своих, чуть выше остальных, плечи напряжены, как перед стартом. Мы не разговариваем — и не должны. Между нашими контрадами сейчас слишком много старых счётов, чтобы позволить себе хоть намёк на человеческое. Он смотрит прямо, не моргая, и в этом взгляде нет ничего личного — только холодное напоминание: на поле мы враги. Я отвечаю тем же. Без слов. Этого достаточно.

Первый звук труб разрезает площадь так резко, что разговоры обрываются, будто их перерезали ножом. Три chiarine играют из окон, и этот звук всегда одинаковый — высокий, металлический, как если бы сам город говорил с нами. Люди поднимают головы. Я тоже.

Где-то там, за каменными стенами, сейчас решают, кто получит право бежать, а кто будет смотреть со стороны. Я уже знаю правила, я вырос на них, но каждый раз кажется, что это впервые. Потому что каждый раз это не просто жребий. Это — чья-то надежда, чья-то месть, чья-то ошибка.

Окно открывается резко. В проёме появляется рука с флагом. Толпа взрывается ещё до того, как я успеваю понять, что вижу. Цвета вспыхивают — и я чувствую, как рядом со

мной кто-то сжимает кулак. Это не наша контрада.

Вторая труба. Второе окно. Второй флаг.

Я не считаю вслух, но внутри уже веду счёт. Нам нужно место. Нам нужно выйти на старт. Я не думаю о победе — пока нет. Сначала нужно просто оказаться там.

Третья экстракция.

Когда флаг разворачивается, я понимаю это раньше, чем слышу крик. Наши цвета. Они словно вспыхивают над площадью, и на секунду всё остальное исчезает. Я не улыбаюсь. Не могу. Только чувствую, как внутри что-то резко сжимается и отпускает.

Мы в игре.

Я снова ищу взгляд Алессио. Он уже смотрит на меня. И на этот раз в его глазах появляется что-то новое — не злость, не холод, а напряжённое понимание. Теперь всё стало серьёзнее. Теперь это не абстрактное соперничество. Теперь мы действительно выйдем друг против друга.

Я чуть наклоняю голову, едва заметно. Он не отвечает, но его губы сжимаются сильнее.

Трубы звучат снова, но теперь я слышу их иначе. Потому что знаю: за этими флагами скрыто больше, чем кажется.

Я не должен был это заметить. Но замечаю.

Когда одно из окон закрывается, я на долю секунды вижу движение внутри — слишком быстрый жест, как будто кто-то передаёт что-то из рук в руки. Ничего особенного для постороннего взгляда. Но я слишком хорошо знаю, как всё

должно выглядеть. И это — не так.

Кто-то из капитанов выходит на балкон чуть позже остальных. Его лицо спокойно, даже слишком. Я видел его раньше — он не из тех, кто умеет скрывать эмоции. А сейчас он словно уже знает результат.

Я перевожу взгляд на урны, которые остаются внутри. На порядок, в котором вытягивают имена. На паузу, которая длится чуть дольше, чем нужно.

Слишком гладко.

Я снова смотрю на Алессио. Он уже отвёл взгляд, разговаривает с кем-то из своих, но я замечаю, как он на секунду сжимает руку в кулак — резко, почти незаметно. Он тоже что-то почувствовал. Или знает.

Толпа ликует, спорит, кричит. Для них всё уже решено. Для них это случай. Но я чувствую, как под кожей начинает нарастать другое ощущение — не радость, не азарт. Подозрение.

Если это действительно жребий — значит, нам повезло. А если нет — значит, кто-то очень хотел, чтобы мы оказались здесь.

Я снова поднимаю голову к окнам. Они уже закрываются, как будто ничего и не было. Как будто город снова стал просто камнем. Но я знаю — это только начало. И в этот раз скачка началась задолго до выхода на площадь.

Глава 4 — Её имя

День уже сходил с площади, но свет ещё держался за камень. Piazza del Campo медленно пустела. Голоса расходились по улицам, как вода по трещинам.

София сидела у самого края. Там, где тень начинается раньше. Альбом на коленях. Карандаш в руке. Она не рисовала площадь. Слишком очевидно. Она рисовала поворот. Тот самый, где лошади почти падают. Где всё решается. Линия не получалась. Слишком прямая. Она стирала. Снова.

— Ты рисуешь не так.

Голос раздался рядом. Низко. Спокойно. Она не обернулась сразу.

— Тогда подскажи, как «так».

Он стоял чуть в стороне. Руки в карманах. Пыль на ботинках. София посмотрела на него. Коротко.

— Ты художник?

Он усмехнулся.

— Нет. Но я знаю этот поворот.

Она снова посмотрела в альбом.

— Все его знают.

— Нет. — Он покачал головой. — Не так.

Он подошёл ближе. Наклонился.

— Здесь не линия, — сказал он, указывая. — Здесь срыв.

Она нахмурилась.

— В смысле?

Он взял карандаш. Не спрашивая. Провёл короткий штрих. Резкий. Неровный.

— Здесь ты уже не держишь. Здесь ты почти падаешь.

София смотрела на рисунок. И вдруг увидела. Не форму. Движение. Она подняла взгляд. Она протянула руку. Забрала карандаш.

— Спасибо.

Он кивнул. Уже собирался уйти.

— Подожди.

Он остановился.

— Почему ты решил помочь?

Он обернулся.

— Потому что ты рисуешь, как будто это красиво. А это не красиво. Это опасно.

Она смотрела на него.

— А ты всегда всё так воспринимаешь?

Он усмехнулся.

— А ты всегда рисуешь то, чего не понимаешь?

Она закрыла альбом.

— Я пытаюсь понять.

Он смотрел на неё. Дольше, чем нужно.

— Тогда не сиди здесь.

— Где «здесь»?

— На краю. Отсюда ничего не видно.

Она встала.

— А откуда видно?

Он кивнул в сторону узкой улицы.

— Пойдём.

Она замерла. На секунду. Им нельзя. У них будут проблемы. Она взяла альбом.

— Ладно.

Они пошли. Улица сужалась. Камень становился темнее. Шаги — громче. Он остановился на повороте.

— Здесь.

Она подошла. Посмотрела. И увидела. Как линия ломается. Как пространство сжимается. Как всё происходит быстрее, чем кажется. Она не рисовала. Просто смотрела.

— Теперь понятно?

Она кивнула.

— Да. Почти.

Он улыбнулся едва заметно.

— Этого достаточно.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на поворот.

— Потому что здесь всё решается.

Она кивнула.

— Тогда я тоже буду приходить.

Он посмотрел на неё.

— Не советую.

— Почему?

— Потому что ты не отсюда. Я бы тебя запомнил.

Она смотрела на него.

— Тогда запоминай.

Он ничего не ответил. Но не ушёл.

***

Конечно, она вернулась. Не на площадь — на поворот. Туда, где линия ломается и становится правдой.

Узкая улица уже была в тени. Камень темнее. Воздух — прохладнее. София остановилась там же, где вчера. Как будто место запомнило её.

Альбом раскрыт. Карандаш в пальцах. Теперь она не искала форму. Она ловила движение. Шаги она услышала не сразу.

— Ты всё-таки пришла.

Голос тот же. Спокойный. Она не обернулась.

— Ты же сказал, что не советуешь.

— Я много чего говорю.

Он встал рядом. Чуть ближе, чем вчера. Она посмотрела на него.

— Значит, иногда ошибаешься.

Он усмехнулся.

— Иногда.

Она снова провела линию. Резче. Срывом. Он заметил.

— Уже лучше.

Она не улыбнулась. Но уголок губ дрогнул.

— Значит, я учусь.

— Значит, ты слушаешь.

Она закрыла альбом.

— Ты часто здесь? — спросила она.

— Когда нужно.

— А когда нужно?

Он кивнул на поворот.

— Когда важно не ошибиться.

— Значит теперь ты готовишься к скачке.

Он не ответил. И этого было достаточно. София кивнула.

— А ты рисуешь, — констатировал он.

Она покачала головой.

— Я пытаюсь понять.

Он посмотрел внимательнее.

— Что?

— Почему вы так живёте. — Слова прозвучали спокойно. Но слишком прямо. Он чуть напрягся.

— «Вы»?

Она кивнула.

— Контрады. Флаги. Границы.

— Ты говоришь, как будто это чужое.

— Для меня — да.

Он смотрел на неё дольше.

— Ты не отсюда.

— Я уже слышала.

— Это не комплимент.

— Я и не думала.

— Значит, Торре — размышляя о чем-то, произнес он. Слово повисло. Как если бы воздух стал плотнее. Он замер. На секунду. И этого хватило. Общие черты лица, одинаковые глаза…

— Что? — спросила она.

Он отвёл взгляд. Потом снова посмотрел.

— Ничего.

Но голос стал другим. Холоднее.

— Это не «ничего», — сказала София.

— Просто стало понятно.

— Что?

Он чуть усмехнулся. Но без тепла. Он смотрел на неё долго. И вдруг спросил:

— Твоя фамилия?

София замерла.

— Зачем?

— Просто скажи.

— Бенасси.

Слово прозвучало тихо. Но этого было достаточно. Он отступил. Как будто расстояние стало нужно.

— Бенасси…

Он повторил. Медленно. И в этом повторении было слишком много. Сестра его заклятого врага, дочь *предателя*.

— Значит, это ты. — Он смотрел на неё так, будто видел впервые. — Дочь человека, из-за которого всё началось.

Тишина обрушилась.

— Ты не знаешь, что произошло.

— Мне не нужно знать.

— Тогда зачем ты говоришь?

Он ответил тихо:

— Потому что я живу с этим.

София сжала пальцы.

— А я — нет?

Он не ответил. Тишина.

— Ты даже не пытаешься понять, — сказала она.

— Я не обязан.

— Тогда зачем ты вообще со мной говоришь?

Он открыл рот. И не ответил. Потому что не знал. София посмотрела на него. Долго. Потом закрыла альбом.

— Вот именно.

Она выдержала его взгляд. Контрада превыше всего, а он подчиняется системе. София отвернулась и ушла. Шаги эхом отдались в камне. Леоне остался. На повороте. Где всё решается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.